

FOLK-ART-NET — НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТРАДИЦИИ: МАТЕРИАЛЫ НАВСТРЕЧУ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Сегодня Интернет стал важной и, пожалуй, уже привычной частью культурного пространства, местом творческого самовыражения миллионов людей, а интернет-фольклор, о котором еще полтора десятилетия назад мало кто слышал, предметом неподдельного интереса специалистов. Большинство с опаской наблюдает за интернет-творчеством: уж очень оно особенное, выбивается из привычных рамок. Полноте, скажет скептик, фольклор ли это? Не абберация ли зрения и слуха эти двигающиеся на экране анекдоты, сказки, частушки? При самых революционных представлениях о многомерности фольклорного текста эти тексты кажутся еще более сложными, соединяющими вербальные и невербальные средства передачи информации.

Именно эти накопившиеся вопросы и явились предпосылкой того, что Государственный республиканский центр русского фольклора избрал интернет-фольклор в качестве одной из приоритетных научных тем. Однако измерить масштаб проблематики удалось не сразу. Началась планомерная работа по осмыслению темы совместно с коллегами из других научных организаций. К Первому Всероссийскому конгрессу фольклористов было подготовлено несколько специальных докладов. Фольклорным феноменам, появление которых обусловлено развитием новых информационных технологий, была также посвящена секция на конференции «Фольклор малых социальных групп: традиции и современность», состоявшейся 7—8 декабря 2006 года. В декабре того же года совместно с Российским институтом истории искусств (Санкт-Петербург) был проведен круглый стол «Фolk-арт-нет: традиционная культура в сетевом пространстве», где предметом обсуждения стали возможные подходы к изучению фольклорного творчества в Интернете и специфика его атрибуции.

Широкий резонанс вызвал круглый стол «Интернет-фольклор: свобода самовыраже-

ния или деградация традиции?», который проходил 6 апреля 2007 года в рамках XI Российского Интернет Форума (РИФ-2007). Он был организован Центром русского фольклора совместно с Региональным общественным Центром интернет-технологий (РОЦИТ). В работе круглого стола приняло участие около ста человек — создатели и главные редакторы сайтов, специалисты по рекламе и PR, менеджеры интернет-газет и интернет-журналов, авторы текстов сетевого фольклора, а также ученые, интересующиеся данной проблематикой. Участники круглого стола (Д.А. Радченко, Т.Н. Суханова, П.А. Бородин, О.Е. Фролова, М.В. Каманкина, С.А. Пчелкин, М.Д. Алексеевский, А.А. Петрова) уделили внимание таким проблемам сетевого фольклора, как способы интерпретации событий сетевым сообществом, жанры и жизненный цикл порождаемых Сетью фольклорных форм, принципы создания интертекстуальных связей между текстами массовой культуры и фольклорными формами Интернета. Была затронута проблема выражения знаковыми средствами эмоций, мимики, невербальных форм высказывания и т.д.

Эти мероприятия позволили в известной степени оценить состояние научной разработанности данной темы и наличие интереса к ней, выявить различные аспекты исследуемого явления, обозначить существующие и возможные методы его анализа. В то же время они показали, как трудно примирить позиции классической фольклористики и современной культурологии в оценках новой среды бытования фольклора. Еще более неожиданным оказалось то, что исследователи затрудняются с определением круга феноменов, которые могут быть рассмотрены как интернет-фольклор. Все с удовольствием размышляют об особенностях языка, который используется представителями интернет-сообществ, но не могут со всей определенностью и научной обоснованностью сказать, в чем заключается

специфика фольклорных жанров, обретших в Интернете новую жизнь, и что в конечном итоге позволяет рассматривать их как часть непрерывного фольклорного процесса. Мало кто задумывается над тем, насколько поддается новой форме трансляции традиционный фольклор. Возможно, для таких исследований еще не собрано достаточно материала?

Предлагаемая вниманию читателей рубрика посвящена конференции «Folk-art-net: новое измерение традиции», которая запланирована Центром русского фольклора на конец 2007 года. На конференции предполагается подвести итоги состоявшихся дискуссий. Для дальнейшего обсуждения намечены следующие вопросы:

- интернет-среда как новое пространство фольклора;
- вопросы терминологии: к проблеме определения понятий «сетевой фольклор», «интернет-фольклор» («интернет-лор»), «сетевое искусство»;
- творец сетевого фольклора: картина мира, способы коммуникации внутри Сети и вне ее, ценностные приоритеты, специфика художественного отражения реальности;
- трансформация традиции и способов ее передачи в Интернете;
- сетевой фольклор и сетевая литература: к проблеме соотношения;
- система традиционных универсалий в интернет-фольклоре;
- формы бытования сетевого фольклора и специфика его жанровой структуры: от анекдота и частушки до «Fan-fiction» и «народного перевода»;
- интертекстуальные связи между текстами массовой культуры и фольклорными формами Интернета;
- сетевые сообщества: способы самопрезентации и особенности творчества;
- отражение в фольклоре картины мира малых социальных групп — от сисадминов до модераторов, от «толкиенистов» до «готов»;
- новые ритуалы в Сети и их художественное оформление: виртуальные рождения, виртуальные свадьбы, виртуальные похороны;
- ролевое поведение в Интернете: причины, следствия, угрозы для личности.

Мы приглашаем к участию в конференции специалистов различных дисциплин. Будем рады, если вы предложите свои темы для обсуждения. Полный текст информационного письма читайте на сайте Центра (www.centrfolk.ru).

А.С. КАРГИН,
А.В. КОСТИНА
(Москва)

ИНТЕРНЕТ И ФОЛЬКЛОР — ТЕХНОЛОГИЯ И ТРАДИЦИЯ

Известны две точки зрения на сетевой фольклор. Согласно первой, интернет-фольклор есть миф, так как в современном мире, где утрачены традиционные формы бытования культуры, фольклор развиваться не может. Все формы, напоминающие фольклор, — это «пост-фольклор», «пара-фольклор» или даже «фальшь-лор». Оцифрованные же фольклорные тексты не обладают никакой спецификой, лишь спецификой носителя. По мнению второй группы исследователей, пока остающихся в меньшинстве, сетевой фольклор — это реальность, появление которой обусловлено имманентным человеку стремлением к художественному отражению действительности в тех формах, которые укоренены в культуре определенной эпохи, сначала устных, затем — письменных, а сегодня — электронных, цифровых. О существовании сетевого фольклора свидетельствуют тексты, созданные и функционирующие в различных малых социальных группах, вырабатывающих специфические приемы творчества. Вот почему термин «сетевой фольклор», охватывающий все явления неспециализированного творчества в Сети, может быть заменен иными терминами — «кибернетический», «компьютерный», «виртуальный» и т.п., обсуждение которых на конференциях Usenet имеет солидную историю (см.: alt.folklore.computers; comp.society.folklore; alt.folklor.internet).

Конечно, этот вид сетевого творчества обладает целым рядом существенных особенностей, однако ему присущи и такие признаки классического фольклора, как анонимность, проявляющаяся в «никах» и «аватарах» — условных именах и образах членов сетевого сообщества, коллективность авторства, устность бытования, вариативность, спонтанность общения, неинституированность, опора

на традицию. У этого фольклора сложилась и собственная жанровая система, где существенной спецификой обладают такие вполне традиционные фольклорные жанры, как анекдот, быличка, слухи и толки, примета, сказка, страшилка, частушка (см.: <http://eskazki.front.lv/tail.php?id=1>; <http://skazka.by.ru/pages/chapters/16veshiesni.htm>).

Проблемы сетевого или интернет-фольклора привлекали внимание как специалистов, так и самой широкой публики. Причины этого интереса в самом явлении Интернет. По сути дела человек получил принципиально новое поле для творческого самовыражения. Речь идет, в первую очередь, о молодежной, подростковой социальной группе, правда, объединяющей десятки миллионов человек. И одно это уже не может не ставить обозначенную проблему в ряд важнейших проблем современной фольклористики. Если говорить о социальной значимости данной проблемы, то она определяется целым рядом обстоятельств. Прежде всего включением России в информационное общество, объективная необходимость которого была подтверждена странами «Большой восьмерки», в число которых входит и наше государство. В 2000 году «Окинавская хартия Глобального информационного общества» поставила перед большинством стран мира задачу выработки национальных стратегий освоения информационных технологий. После принятия Окинавской хартии в нашей стране была разработана и утверждена «Концепция формирования информационного общества в России», а также долгосрочная Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002—2010 годы)» и ряд других документов. Как известно, существуют различные модели информационного общества, особенности которых обусловлены социокультурными различиями стран. Среди них наиболее известны американская и финская. Один из аспектов российской модели состоит в том, что она учитывает острую потребность в поддержке порталов и сайтов, отражающих ценности традиционной русской культуры.

Это первый аспект, который позволяет говорить об актуальности данного

проекта. Второй связан с тем, что фольклор, благодаря сетевым технологиям, получил новое пространство для своего бытования. Изменилось и представление о его природе. Фольклор как живое явление, реагирующее на изменения социального, культурного, экономического, политического контекста жизни, не мог не отразить эти изменения. Что же нового произошло в мировом культурном пространстве и что, соответственно, привело к изменению фольклора?

Прежде всего, это развернувшаяся на глазах глобализация. Под ее влиянием государства переосмысливают содержание и стратегию своего развития, в которых на равных начинают взаимодействовать как процессы модернизации, так и обращение к сохранению собственных культурных истоков. Стремление поддержать национально-этническую культуру приводит к определению содержания развлекательных программ, к регулированию соотношения универсального и локального в образовательных стандартах, к установлению правил использования местных наречий, к стремлению сохранить музыкально-поэтические традиции, промыслы, а также этнонациональную специфику культурных ландшафтов.

Кроме того, говоря о причинах трансформации фольклора и возникновения его сетевого варианта, необходимо отметить влияние на человека и общество вновь сложившихся коммуникационных реалий. Формирующуюся сегодня культуру можно назвать, используя терминологию известного исследователя информационного общества М. Кастельса, культурой «реальной виртуальности», где реальное пространство человека вытесняется виртуальной средой, создаваемой информационными технологиями и, прежде всего, Интернетом. Если кратко обозначить последствия виртуализации жизни, то они заключаются в замене книжной культуры культурой экрана и, соответственно, слова — визуальным образом, письма — устной речью. При этом изменяется и сознание современного человека, что проявляется в его мифологизации и анонимизации (в большой степени связанной с интернет-пространством). Подобные изменения позволили Р. Барту назвать современную

эпоху «новой архаикой», У. Эко — «новым Средневековьем», Р. Гвардини — «концом нового времени», В.П. Крутоусу — «эпохой новоязычества», П.С. Гуревичу — эпохой «новой религиозности».

Представляется принципиальным тот факт, что названные черты культуры становятся чрезвычайно благоприятным фоном для активного развития самых разнообразных фольклорных форм, причем представленных как в Сети, так и вне ее. В рамках данной статьи авторов интересует, в первую очередь, именно сетевой фольклор как явление, не получившее пока должного осмысления.

Интернет и его особенности как пространства культуры

Интернет (от англ. *Inter-Net* — ‘взаимо-сеть’ или ‘сеть сетей’), в техническом отношении берущий свое начало от распределенной (в отличие от локальных) компьютерной сети ARPAnet, созданной по заказу Министерства обороны США в конце 1960-х годов, можно рассматривать не столько как техническое средство, сколько как феномен культуры. Интернет синтетически объединил в себе все составляющие различных мультимедиа: вербальный текст, видеотекст и звуковой текст, — что позволило ему занять ведущее положение в культуре как обладающему комплексным, не расчлененным воздействием.

Очевидно, что обилие каналов коммуникации, которыми располагает современный человек, означает лишь неполноту каждого из них в передаче информации. Современные коммуникационные средства сочетаются по принципу взаимодополнительности, где печать подкрепляется теле- и радиокоммуникацией. При этом письмо всё больше проявляет свою ограниченность в качестве средства передачи информации. Конечно, письмо может отразить практически все аспекты жизни человека и мира вокруг него, однако для получения представления о красках, звуках, запахах необходимо их увидеть, услышать, иметь возможность ощутить. Подобную возможность человеку предоставляет Интернет, который основан на принципиальной возможности перевода в цифровой вариант практически любой информации — не только письменной,

звуковой и изобразительной, но и даже осязательной, предоставляемой виртуальной реальностью, и обонятельной (подобные эксперименты по передаче запахов сейчас осуществляются).

Вторым, возможно, даже более важным качеством Интернета является его специфическая структура, представляющая собой разветвленную систему связей-ссылок между текстами на основе универсального гипертекстового языка (HTML) и стандартного формата адресов (URL) [Можейко 2002]. Гипертекст и стал основным выражением культуры информационного общества. Он формируется как взаимная связь фрагментов самых различных текстов через гиперссылки, благодаря чему первоначальный текст разрастается за счет этих включений (что и отражает термин «гипертекст»). Такая возможность существования текста связана с тем, что Интернет основан не на иерархическом, а на сетевом принципе организации, где все узлы системы находятся не в отношениях соподчинения, когда есть главное и второстепенное, центр и периферия, а в отношениях рядоположенности. Эта среда показывает, что кибернетический принцип упорядочивания информации, основанный на команде, исходящей из центра системы, является гораздо менее продуктивным, чем принцип синергетический, где упорядочивание происходит как самоорганизация.

Естественно, что в информационном обществе на смену принципам системности, детерминизма и объективности [Мальковская 2004, 39] как принципам кодирования информации, обусловленным характером письменного текста с его линейной логикой и причинно-следственными связями, приходят иные. Теперь установка на системность сменяется принципом антииерархичности, прямая последовательность значений уступает место нелинейности, стремление видеть во всем взаимообусловленность и взаимоподчиненность элементов — семантическим и ценностным плюрализмом.

Принципиальное свойство сетевых текстов, функционирующих в режиме on-line, заключается в том, что все сообщения объединяются в треды (от англ. *thread* — ‘нить’). Причем, реплики

здесь выстраиваются не по времени их поступления, а по тематике, будучи связанными с исходным сообщением, а также с каждым ответом на него, и образуя тематические «ветви», состоящие из многочисленных ответов на ответы и развивающиеся вокруг определенных проблем. Подобная структура напоминает дерево, ветви которого и образуют треды.

Эта способность Интернета связывать самые разные тексты в единое целое составляет основу сетевой литературы, ярким воплощением которой стал феноменальный проект «РОМАН» Романа Лейбова, сегодня, к сожалению, завершённый. Суть «РОМАНа» состояла в том, чтобы дать возможность всем пользователям принять участие в написании произведения, начало которого было выложено в Сеть. При этом каждый мог писать продолжение с любого момента текста, даже с середины предложения, в результате чего текст, имеющий древовидную структуру, стремительно разросся. Форма произведения при этом приобрела черты незавершенности, длящейся процессуальности. По словам Романа Лейбова, «РОМАН» нельзя рассматривать как текст вообще, так как у него отсутствуют границы и структурированность его постоянно меняется. Исходный текст «РОМАНа», который как проект начался 10 октября 1995 года, датирован 1987 годом и был сочинен и искусственно разбит на субтексты самим Лейбовым. Затем в течение нескольких месяцев объем текста вырос примерно до трехсот страниц, причем в его создании принимало участие около двадцати авторов. Иными словами, текст приобрел древовидную структуру, где вновь появляющиеся сюжеты были подобны «ветвям», имеющим своих авторов (см.: <http://www.kulichki.com/classic/leybov.htm>).

Сходная тенденция прослеживается в таком явлении современной интернет-культуры, как «народный перевод», который исследователи, ссылаясь и на самоназвание этого явления, рассматривают как рожденный сетевой эпохой новый вид народного творчества. В «народном переводе» присутствует та же логика построения текста, имеющего

коллективного автора, подчиняющегося цензуре сообщества, и имеющего древовидную структуру. Эта особенность ярко проявляется уже в переводе названного книг Джоан Роулинг, последняя из которых — «Harry Potter and the Deathly Hallows» — Информационным агентством ИТАР-ТАСС была переведена как «Гарри Поттер и Роковые Мощи» (*hallow* мн.; церк. 'мощи святых'). Менее чем через час после появления новости в Рунете на новостных сайтах и фанатских блогах появились такие переводы: «Гарри Поттер и роковой День всех святых» (*All hallows day* — церк. 'День всех святых'), «Гарри Поттер и смертоносные святыи», «Гарри Поттер и смертоносные мощи», «Гарри Поттер и роковой Хеллоуин», «Гарри Поттер и мощи смерти», «Гарри Поттер и святыи мощи», «ГП и мертвый святой», «Гарри Поттер и роковые останки», «Гарри Поттер и Смертельные Останки», «Гарри Поттер и Смертельное Освящение» (см.: http://www.polit.ru/news/2006/12/22/harry_potter.html).

Наиболее показательным в плане структуры и массовости феномена сетевой неспециализированного творчества является проект «Сад расходящихся хокку», где образ, строка или слово становится посылом для создания нового произведения. Это может быть образ следа самолета как последней соломинки, связывающей любящих людей:

*Ты улетела,
вот и в небе не найти
белой соломинки.*

*Пустое небо,
вот уже не найти и
белой соломинки.*

*Ты улетела —
последняя соломинка
белеет в небе.*

Таким посылом может стать словосочетание:

*Ледяной ливень:
только что не кипит
капля на коже.*

*Ледяной ливень —
ты абсолютно пуста,
дорога домой.*

*Ледяной ливень
над могилами всех
главных confessions.*

Ключевое слово может перемещаться из начала в конец строфы:

*Кукушка в горах.
Запишите меня
в долгожители.
Кладбище.
Молча сидит на ветке
Кукушка¹.*

Пытаясь осмыслить это новое качество культуры, утрачивающей настроенность на управление из центра, а развивающейся вокруг целого спектра тематических ядер, образующих автономные подсистемы, французские философы Жиль Делез и Феликс Гваттари в 1976 году выпустили в свет книгу «Ризома» [Deleuze, Guattari 1976; 1980]. Авторы, используя образы дерева и корня, показали сущностные различия между культурой, опирающейся на письменный текст, и культурой, воплощением которой стала электронная Сеть. Философы рассмотрели культуры, обладающие семантической и ценностной горизонтально-вертикальной иерархией с ее понятиями центра и периферии, главного и второстепенного, причины и следствия, как «древесные». Главным здесь стал образ ствола, четко соотносимого с верхом и низом, правым и левым, основой (стволом) и ее производными (ветвями). Те же культурные системы, структуры которых лишены регулярности, позволяющей прогнозировать их развитие, и опираются на хаос, беспорядок, случайность как ведущие принципы организации, были обозначены как «ризоматические». Понятие «ризомы», буквально переводимое как «корневище», было ими позаимствовано из ботаники, где оно обозначало «пучкообразные» корневые системы, в которых трудно выделить один центральный корень.

Применительно к культуре понятие «ризомы» означает, что в «древесных» культурах присутствует единое основание и они подчиняются единой логике развития. «Ризоматический» же принцип предполагает уравнивание всех систем (смыслов, ценностей, значений), входящих в культурное пространство. При этом все существующие в ризоматических системах смыслы — автономные или входящие во взаимодействие друг с другом — и порождаемые этими смыслами

модели выступают на разных уровнях, плоскостях, «плато» и подчиняются иному, децентрализованному, возможно, более универсальному принципу структурирования реальности. Их характерными особенностями являются принципы связи, гетерогенности и множественности, отражающие существование различных, а иногда разнородных элементов, скрепленных в едином пространстве нелинейного развития.

Диалог с текстом культуры как сущность сетевого фольклора

Итак, один из основных признаков интернет-фольклора — способность текста вступать в диалогические отношения с иными текстами, образуя новые, подчас принципиально иные по содержанию и парадоксальные варианты. Подобная система взаимоотношений к очевидным для участников коммуникации событиям, фактам, персонам, а также к текстам высокой и массовой культуры, становится имманентным качеством сетевой коммуникации, придавая ей черты избыточности и тавтологичности, подвергая ее бесчисленным интерпретациям, дублированию, копированию, сжатию, разрастанию, комментированию.

Здесь текст выступает как диалог с иными текстами, предшествующими и сосуществующими с ним, как активное пересечение и взаимодействие текста и знакового фона, текста и социокультурного контекста. Каждый завершённый семиотический фрагмент представляет собой сочетание иных культурных кодов, речевых структур, ритмических формул, идиоматических конструкций, риторических фигур, существующих в качестве языка, предшествующего тексту и подобного «словарю» традиционной культуры. Отказ от фиксации и жесткого различия первообразца-оригинала и его воспроизводящей реплики, заимствованного и имманентного, позволяет расширительно толковать культуру эпохи сетевых коммуникаций как «цитатную». Подобные включения извне становятся самой субстанцией текста, где осуществляется игра цитат и игра цитатами внутри подвижной игровой структуры.

Этот прием отсылки к другим текстам активно используется в сетевом анекдоте, где в едином событийном

¹ Книга двух Су (см.: http://hokku.netslova.ru/hokku_kniga.cgi?7).

пространстве присутствуют персонажи различных произведений, к примеру Нео из фильма «Матрица» и излюбленный интернет-персонаж Масяня: «Нео: *“Оператор, где я сейчас нахожусь? Как, не туда попал??? Какая Масяня??? Куда-куда???”*». Подобная многоплановость и непривычность сочетания символов различных фильмов зачастую и создает эффект непредсказуемости в сетевом анекдоте: «*“Матрица” — это трехсерийный “Армагеддон” на “Титанике”, приплывшем в Перл-Харбор*». Аналогичен анекдот: «*“Матрица”. Перезагрузка. “Титаник”. Всплытие*». Излюбленным является также сочетание миров «Терминатора» и «Матрицы»: «*После ядерного взрыва смелые остатки человечества поняли, что победить машины можно только уничтожив их источник питания, и устроили, как известно, вечную тьму... Но не тут-то было, машины придумали новый источник энергии, превратив людей в батарейки. Но Киану Ривз проснулся, чтобы освободить человечество... Он еще не знал, что для начала ему придется одолеть последнего Шварцнеггера*». Особым значением обладает сопоставление образов американского и российского кино: «*Нео встречается Близнецов и спрашивает у первого: “Ты кто?” — “Я брат”. Поворачивается ко второму: “А ты кто?” — “А я брат-2”*». Своеобразный налет «ретро» придает сочетание образов, принадлежащих разным поколениям: «*Архитектор спрашивает у Нео: “Так ты в самом деле слышал, как Смит обзывал меня желтой рыбой?”*. Нео: *“Да-да! И еще червяком, земляным червяком!”*» (см.: http://lozhki.net/anec_231202.shtml).

Одним из излюбленных приемов сегодня является приспособление традиционных пословиц и поговорок к измененной технологической реальности, что приводит к созданию новых смыслов, новому игровому пространству. При этом общезначимое «Что написано пером, не вырубишь топором» становится основой для формирования вариантов, доступных лишь касте интернет-информированных. Это тексты типа: «*Что написано пером, можно исправить в графическом редакторе*», «*Что написано пером, не прочтет CD-ROM*», «*Что записано в ROM, не вырубишь топором*». Соответственно изменяется и поговорка

«Любишь кататься — люби и саночки возить», преобразуемая в «*Любишь апгрейтиться, люби и Винды переставлять*», «*Любишь интернетиться, люби в Солнет денюшку носить*», «*Любишь кататься, купи NOTEBOOK*» (см.: <http://forum.solnet.ru>)².

Фактически как фольклорные бытуют сегодня изречения Козьмы Пруtkова, которые также становятся предметом словесной игры, например в «матричной» обработке: «*Влюбленный в одну особу страстно, целует другую токмо по расчету*», «*Если хочешь быть красивым — поступи в агенты*», «*Магнитная стрелка, непреодолимо влекомая к северу, подобна кораблю, всегда возвращающемуся в Сион*», «*Самолюбие и словоохотливость суть лучшие удостоверения бессмертия души смитовской*», «*Подключаясь к матрице, соберись с духом*», «*На дне каждого кокона есть осадок*», «*Не всё отключай, что подключено*», «*Где имеется начало того конца, которым обладает любое начало?*», «*Если хочешь быть Избранным, будь им*», «*Прозорливая женщина подобна Пифии*» (см.: http://lozhki.net/anec_221004.shtml). Это также подражания «подобиям» Козьмы Пруtkова на тему всё той же «Матрицы»: «*Мервинген подобен торговцу, не желающему отдать что-либо, не получив ничего взамен*», «*Близнецы подобны хорошим супругам: в то время, как один говорит, другой — думает*», «*Сераф подобен щенку, желающему, но не способному охранять*», «*Архитектор подобен нечестному ростовщику, который берет больше, нежели ссужает*», «*Тринити подобна дорогой машине — всякий любит ее за то, что она состоит при Избранном, но не всякий за то, что она женщина*», «*Бейн подобен последователю Пруtkова, плюющему в глаз всякому несогласному*» (см.: http://lozhki.net/anec_221004.shtml).

В Сети успешно обыгрываются известные народные песни, наподобие «*Гляжу я на небо, Та й думку гадаю, Чому я не Нео, Чому не летаю...*»³, а также особенности местечкового говора, часто имитируемого в анекдотах и байках. Такова байка «Если WINDOWS была написана в Одессе»:

² Цит. по: [Рукомойникова 2006, 293].

³ Цит. по: [Радченко 2006, 314].

1. После загрузки Windows появляется надпись «Таки я загрузилась!», и в течение 15 минут играет мелодия «Семь сорок», которую нельзя ни приостановить, ни отменить.

2. При нажатии на клавишу «Старт» появляется сообщение «Ну шо ты тут клацаешь, пошел бы лучше в футбол поиграл...».

3. Клавиатурный драйвер автоматически преобразовывает букву «г» в букву «х», а букву «ч» в букву «ш».

4. При открытии нового документа по умолчанию ему присваивается название: «Шоб ты был здоров.doc».

5. При подсоединении к Интернету появляется надпись: «Шо ты занимаешь линию? А вдруг мама позвонит?».

6. При открытии любой папки или файла появляется предупреждающее сообщение: «И оно тебе туда надо?».

7. При установке любой программы появляется сообщение: «Ну и куда ты собираешься писать, поц? Ты купил новый харддрайв?».

8. Размеры файлов указываются с точностью до бита, а вместо таймера в панели встроен счетчик потребления электроэнергии за время работы компьютера.

9. При вызове справочной системы всегда появляется инструкция по приготовлению фаршированной рыбы.

10. Каждые 30 минут автоматически включается *savescreener* с надписью: «Ой-вей, я устала...» (см.: www.liveinternet.ru/users/mwsuper_serrega/post41894045).

Подобная диалогичность и полифоничность сетевых текстов создает своеобразный «медиа-лингвистический» фон современной коммуникации. Причем, сами способы как кодирования, так и декодирования информации, передаваемой по техническим каналам связи, становятся всё более пластичными и разнообразными — по образному выражению М. Маклюэна, стремящимися «обойти язык» [McLuhan 1977], — что позволяет сопоставить их с древнейшими способами формализации, подобными наскальным рисункам, пластическим танцам, графическим символам. Конечно, преобразование в цифровой формат любой информации — осязательной, обонятельной, вкусовой (в том числе той, которая прежде не подавалась кодификации), — выступает как, безу-

словно, наиболее оптимальный и универсальный способ ее трансляции.

Сетевой фольклор: возвращение к устному тексту

Одной из наиболее ярких и специфических особенностей интернет-культуры является способ изложения текста, по своим основным характеристикам приближающийся к устной речи. Язык Интернета отказывается от тех способов структуризации информации, которые сложились в эпоху Гутенберга благодаря господству линейного письма, и возвращается к закономерностям, присущим устным формам трансляции. Интернет при этом становится тем средством, которое компенсирует человеку недостаток непосредственного общения и возвращает его в ту коллективную стихию, которая была присуща традиционной культуре и фольклору и которая была дискредитирована Новым временем с его рациональностью и системностью. Несмотря на письменный характер изложения текста в Сети, сами принципы его построения тяготеют к устной форме высказывания. При этом многофункциональность письменной речи воспроизводится совокупностью графических символов — «смайликов» — значков, передающих целый набор совершенно различных эмоциональных реакций: грусть, злость, подмигивание, слезы, смех, смущение, страх, удивление, улыбку (см.: <http://smiles.33b.ru/smile.65981.html>), а также свободной пунктуацией, междометиями, звукоподражаниями, нарочитыми ошибками, наподобие «*можбыть*» (может быть) и «*как-нить*» (как-нибудь), повторениями слов, характерными для устной речи. В качестве заменителя модуляций голоса используются заглавные буквы, которые вне заголовка передают повышение тона, а значимые части текста выделяются с помощью знака *: «Привет)* ну сам подумай — можно ли сказать о тебе лучше, чем Котька?*)))))) конечно нет=- только одно — «ОПЯТЬ ЛАВРЕНКО?*!''!!!!!» — вот такой вопль ужаса)* хотя скучаем без тебя)* а страничка очень стильная)* целую)*» [Буторина 1999].

Показательно, что возникновение подобного языка вызывает активную реакцию самих пользователей, отражаемую,

в частности, в анекдоте: «Шеф диктует секретарше электронное письмо: «Сообщаю вам запятая что кредит запятая полученный нами у вас запятая в этом году мы не сможем отдать точка». Леночка, я сказал точка, а не двоеточие с тремя скобками!»». Или следующий вариант: «Один хакер — другому: “Мне тут одна девчонка роман Достоевского на «мыло» прислала, вчера читать начал”. — “Ну и как?” — “Интересно, только мрачный он какой-то. Прикинь: пять с лишним мегов текста, и ни одного смайлика!”» (см.: c=squatter.livejournal.com).

Знаковые способы передачи эмоции, интонации, темпа высказывания существенно обогащают сообщения, как бы наполняя письменный текст живой интонацией. Это позволяет исследователям обозначать подобный тип текста как «устно-письменный текст», как «спонтанную письменную речь» (см.: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm>; <http://linguistic.ru/index.php?op=content&module=main&id=169>), «письменную разговорную речь, своеобразную смесь письменного литературного и устного разговорного языка» [Буторина 1999]. Попадая в Сеть в письменной форме, такой текст воспринимается как передаваемый «из уст в уста» [Радченко 2006, 307]. Иными словами, Интернет предстает как специфическая информационно-коммуникативная среда, в которой успешно сосуществуют устный и письменный варианты речи с разнообразной жанрово-стилистической направленностью. Некоторые исследователи говорят о качественно новом функциональном «подстиле», который, как присущий разговорному жанру, наиболее ярко проявляет себя в чатах, но на который, однако, накладывает свой отпечаток неизбежность обмена репликами в письменной форме. Тексты же в гостевых книгах более приближены к жанру письма (жанру, по мнению авторов, успешно возрождаемому именно благодаря Интернету). Всё это позволяет говорить о двоякой природе психолингвистических особенностей функционирования русского языка в Интернете, демонстрирующего как глубокое проникновение нормы в пользование, так и отсутствие такового.

Другая группа авторов, рассматривая метафорические особенности интернет-языка, признает его отдельной функционирующей культурной системой и полагает, что данный тип дискурса является специфическим стилем языка, подобным сленгу, жаргону. Г.А. Трофимова говорит об особом смысловом и образном дискурсе, составляемом системой интернет-текстов: «Это особая коммуникативная среда, особое место реализации языка... в которой сосуществуют устный и письменный варианты речи с разнообразной жанрово-стилистической направленностью...» [Трофимова]. Интенсивность распространения этого языкового стиля, как предполагают исследователи, в скором времени неизбежно приведет к необходимости решения вопроса о создании кодекса речевого поведения. Основы этого «лингво-этического кодекса пользователей Интернета», который касается грамматических и стилистических правил, постоянно обсуждаются на форуме «Русский язык в Интернете». Необходимость принятия подобного Кодекса определяется тем, что анонимность сетевых пользователей — «вещь абсолютно мнимая», и как бы ни называл себя инкогнито, именно его культурный уровень отражается через речевую грамотность [Там же].

Не оспаривая этого мнения и не отрицая его доказательности, сразу оговоримся, что, по мнению Г.А. Трофимовой, подобные речевые особенности порождены отнюдь не безграмотностью пользователей, а спецификой формы общения, особенностями реальности, в которой живое общение заменяется суррогатами в виде электронных посланий. Лишенный возможности непосредственного общения, причем зачастую не только из-за пространственной отдаленности, но и из-за ограниченности времени, человек эры электронных коммуникаций стремится к выработке лаконичного языка, позволяющего в «свернутом» виде передавать сообщения. Этот язык (языковой стиль) сосуществует с литературным в независимом режиме, оказывая на него безусловное влияние, но не устранив его.

Одной из разновидностей этого нового языкового стиля стал язык те-

лефонных SMS, которым наиболее активно пользуются подростки. За последние пять лет стало очевидно не только для исследователей, но и для широкой общественности, что язык подростков обновляется вслед за обновлением оргтехники, т.е. каждые пять лет. При этом фразы становятся всё более короткими, а ненормативной лексики используется всё больше. Профессор психологии из Туринского университета Тильде Джани Галлино так характеризует язык итальянских подростков: «У всех подростков бывает свой независимый жаргон, со словами, отличающимися от тех, что есть в лексиконе взрослых. Но, к счастью, эти слова подростки используют лишь непродолжительное время» [Интервью 2003]. По его мнению, наибольшее влияние на этот лексикон оказывают электронная почта, SMS и мобильные телефоны, и ощущается это влияние у молодых итальянцев, японцев и американцев в большей степени, чем у консервативных англичан. При этом сам язык, безусловно, обедняется: в нем появляется всё больше коротких предложений, часто состоящих из одного слова, а сам смысл фраз оказывается весьма ограниченным.

Подобный телеграфный стиль становится сегодня весьма распространенным. Широко известен пример, когда тринадцатилетняя ученица государственной средней школы на западе Шотландии сдала преподавателю сочинение, написанное в стиле коротких текстовых сообщений, которыми обмениваются владельцы мобильных телефонов. Школьница пояснила, что она считает язык SMS более легким и естественным, чем стандартный английский язык. Основные претензии со стороны учителей были связаны с тем, что по написанному в виде стенограммы тексту сложно проверить грамотность ученицы. Как сообщает Ananova.com, преподаватель призналась, что просто не могла поверить тому, что увидела: страница предстала исписанной неразборчивыми иероглифами, многие из которых казались, на первый взгляд, непереводимыми. Сочинение начиналось так: «*My smmr hols wr CWOT. B4, we usd 2go2 NY 2C my bro, his GF & thr 3 :- kds FTF. ILNY, it's a gr8 plc*».

На английском это означало приблизительно следующее: «*My summer holidays were a complete waste of time. Before, we used to go to New York to see my brother, his girlfriend and their three screaming kids face to face. I love New York, it's a great place*» (Мои летние каникулы были сплошной тратой времени. Раньше мы ездили в Нью-Йорк навестить моего брата, его подругу и трех их орущих детей. Я люблю Нью-Йорк, это великолепное место).

Этот прецедент вызвал целый шквал эмоций со стороны общественности и специалистов. Доктор Синтия Маквей, лектор психологии шотландского университета в Глазго заявила, что SMS — это вторая натура поколения современной молодежи. У них отсутствует практика общения при помощи писем, поэтому написать сочинение является для них весьма сложным и необычным занятием. В результате подростки обращаются к тому, что им удобно: расскажу в стиле простого SMS. Более критично оценила эту ситуацию Джудит Гиллеспей, преподаватель из Шотландского Родительского Совета, которая сказала, что снижение в стандартах грамматики и письменного языка в целом связаны с повальным помешательством молодежи на SMS. По ее словам, в системе образования необходимо принять серьезные меры для уничтожения SMS как формы письменного языка, поскольку это вызывает серьезную обеспокоенность будущим английского языка в самой Англии (см.: www.newsru.com/world/03mar2003/sleng.html).

В отечественной культуре подобным воплощением письменной фиксации устной речи стал язык русскоязычной сетевой субкультуры, которая оформилась приблизительно в самом конце XX века. В основе творческого метода этой субкультуры лежит языковая провокация, эпатаж, что достигается использованием обценной лексики, преднамеренных орфографических и семантических ошибок. Сленг этой субкультуры, получивший самоназвание «жаргона падонков», стал позже основой так называемого «албанского» языка⁴. Представители

⁴ Движение падонков зародилось на сайте fuck.ru, затем в нем произошел раскол и

русскоязычной сетевой субкультуры писали на этом специфическом языке рассказы, рецензии на книги, фильмы и музыку, статьи об актуальных событиях и т.п. Буквально через несколько лет это движение стало частью культурного мейнстрима. Устоялся и язык этой субкультуры, а по поводу намеренных ошибок стали даже вестись языковые споры, наподобие того, как правильно писать: «нравицца» или «нравеца» («нравится»), «медвед» или «мидвед» («медведь»), наконец, «албанский» или «олбанскей».

Возникновение самого термина «албанский язык» связано с Живым Журналом, в котором рунетовское общество активно приняло «язык падонков». Пользователем *оператор* из России на страницах этого журнала были опубликованы фотографии, снабженные комментариями на соответствующем жаргоне. Пользователь *scottishtiger* — американец шотландского происхождения из Такомы, штат Вашингтон, — задал вопрос, на каком языке написаны комментарии, и получил ответ от русского *maxxximus*, что это — албанский. *Scottishtiger*, возмущенный вопросом о том, почему он думает, что комментарии были написаны для него, ответил, что этот сайт американский, а не албанский, а быть американцем означает то, что «таких, как я, остальной мир должен обслуживать». В ответ на это *оператор* организовал флэшмоб «Уроки албанского языка», после чего записи блога *scottishtiger* были заполнены комментариями на русском языке, суть которых сводилась к установке: «Учи албанский!». Это выражение стало поговоркой, а фраза «Аффтар, учи албанский» в среде «падонков» означает указание на ограниченность человека, которому она адресуется.

Естественно, «албанский» язык не является универсальным средством об-

---

основным сайтом стал Udaff.com, созданный Удавом — видным деятелем движения. В идеологическом отношении можно отметить определенную близость падонков к протестной панк-культуре и рассматривать их творчество как разновидность отечественного трэша (см. об этом материал из «Википедии» — «Свободной энциклопедии», а также рекламный плакат журнала «Русский Newsweek»).

щения пользователей Сети, даже русскоязычных. Между тем, даже язык вполне грамотных и литературно одаренных пользователей включает всё большее число тех речевых структур, которые присущи устному общению, наподобие «хм...», «так-так», «?!» и многих других. Кроме того, подобный совокупный текст обладает теми же признаками, что и поэтический текст традиционной культуры, а именно вариативностью, наличием устойчивых речевых структур и клише (наподобие «best regards», которое уже вписано в форму электронного письма), малой информационной насыщенностью и тавтологичностью, нелинейностью, циклизмом, интертекстуальностью, диалогичностью, цитатностью.

* * *

Подводя итоги, отметим, что сетевой фольклор является устойчивой системой, опирающейся на специфический способ кодификации информации. Формирование и устойчивое существование интернет-фольклора обусловлено отнюдь не ретро-модой, а тем, что в современном мире высоких технологий как никогда ранее востребованы те базовые структуры, которые связаны с фундаментальными представлениями человека, воплощенными в формах традиционной культуры.

Хотелось бы еще раз акцентировать мысль о том, что возможность обозначать явления неспециализированного и анонимного творчества в Интернете в качестве сетевого фольклора обусловлена не только активным использованием в этой среде образов традиционной культуры, но и его существенными признаками. Если говорить о фольклорных персонажах, то вполне обычными здесь являются Змей Горыныч, Золотая рыбка, Царь и Царевна, которые рассматриваются как персонажи сетевого сообщества. Главный герой, хотя и носит имя Ивана-царевича или Иванушки-дурака, выступает как опытный пользователь компьютерных систем: программист, хакер, системный оператор. Баба-Яга в сетевой сказке предстает в образе опытной «хакерши», которая «лазит по всяким Нетам, ищет, что под запретом, вирусы пишет с секретом». Как отме-

чают исследователи, подобная презентация Бабы-Яги связана с написанием ее имени латиницей — EGA (*enhanced graphic adapter* — ‘современный (точнее «продвинутый») графический адаптер’), что предполагает значительную «включенность» героини в компьютерную проблематику. Соответственно, Царь выступает в роли системного администратора, провайдера или модератора, который ставит перед подданным различные трудновыполнимые задачи, а Царевна становится любимой царской машиной «крутизны неписаной». В качестве главного хтонического персонажа выступает Вирус Зловредный, подбирающийся к «машине царской, любимой» и не шадящий «ни дискет, ни винчестеров» [Рукомойникова 2006, 295].

Если же персонаж трактуется вполне традиционно, то сетевым становится пространство его действия: «Идет Илья Муромец по полю. Видит — Змей Горыныч сидит. Ну, тот подкрался к нему и срубил ему голову. У Змея Горыныча две выросло. Срубил Илья ему две — четыре выросло! Срубил четыре — выросло восемь!!! И так далее... И вот когда Илья Муромец срубил 65536 голов, Змей Горыныч помер... Поэтому что был он шестнадцатибитным». Таков же «новый Левша», который «на картинке размером 1×1 пиксел сумел поместить свое имя и фотографию» (см.: anekdot.parekur.ru).

Сетевой фольклор так же, как и фольклор традиционный, является системой, направленной на постоянный отбор, позволяющей корректировать представления о художественном идеале. П.Г. Богатырев в свое время показал, что в границах традиционной культуры на гибель было обречено то, что отторгалось коллективом как эстетически и этически неверное или неполноценное и подвергалось постоянной коррекции [Богатырев 1971, 371]. И этот отбор продолжается и сегодня, уже в новом пространстве сетевого фольклора, где «корректирующая» функция коллективности выступает как весьма существенная. Несмотря на то что в Сети субъектом творчества выступает отдельный человек, его произведение подвергается столь же строгой оценке, как это было и в границах традиционной культуры. Произведения сетевого фольклора — точно так же, как и тексты

фольклора классического, — постоянно подвергаются осмыслению с точки зрения их прецедентности и способности полно отражать мировоззрение представителей данной культуры. Постоянной коррекции текстов способствует и сам формат Сети, предполагающий существование текста как поливариантного, непрерывно дополняемого и уточняемого.

Казалось бы, электронный способ передачи информации, функционирующей в Сети с ее особым пространством-временем, ставит под вопрос основополагающий принцип культурной преемственности. Но сетевые тексты — к примеру, сказки, анекдоты — опровергают это предположение, показывая, что обновленное содержание этих повествований укладывается в достаточно жесткие формальные и жанровые рамки, истоки которых уходят в глубь веков. Возможно, в этом стремлении следовать традици проявляется такая особенность фольклорного творчества, как коллективность, когда каждый участвующий в создании произведения совместными творческими усилиями, или развертывающимися в едином времени и в едином пространстве, или осуществляющимися в различные эпохи, выражает не собственные представления о прекрасном, а принятые общиной в целом. Подобная коллективность авторства народной культуры, тесно связанная с ее анонимностью, в полной мере присуща и компьютерной коммуникации, обладающей такой же «монолитностью общественного сознания» [Петрова]. Вместе с тем, Интернет активизирует в фольклорном творчестве индивидуально-личностное начало, связанное с усилением импровизационности, новаторства и творческого голоса.

И все-таки подчеркнем мысль о том, что включение персонажей традиционной культуры в произведения, бытующие в интернет-пространстве, не является достаточным основанием для того, чтобы определять их в качестве фольклорных феноменов. Полагаем, что атрибутировать эти явления как фольклорные позволяют следующие их признаки: принципиальная настроенность на реабилитацию устного способа передачи, анонимность и коллективность

авторства, вариативность, отсутствие институционализации. Вместе с тем, сетевой фольклор обладает и ярко выраженными особенностями, среди которых наиболее принципиальными представляются интерактивность и гипертекстуальность. Именно это сочетание традиционного видения мира и обновленных или принципиально инновационных форм, обусловленных особенностями интернет-коммуникации, выражается в содержании сетевого фольклора, который предстает как результат поиска традицией средств выражения в пространстве новых технологий.

Литература

Богатырев 1971 — *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

Буторина 1999 — *Буторина Е.П.* А поговорить? Интернет как лингвистический феномен // Мир медиа XXI. 1999. № 1 (http://www.gramota.ru/mag_rub.html?id=50).

Интервью 2003 — Психолог: подростки меняют сленг каждые пять лет // *La Stampa*. 2003. 14 января. (<http://www.inopressa.ru/lastampa/2003/01/14/11:33:18/arc:lastampa:different>).

Мальковская 2004 — *Мальковская И.А.* Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М., 2004.

Можейко 2002 — *Можейко М.А., Можейко В.А.* Интернет // *Всемирная энциклопедия. Философия. XX век.* М.; Минск, 2002. С. 316—317.

Петрова — *Петрова Н.* Русский Интернет как открытое фольклорное сообщество // <http://www.visualtech.ru/vculture/folklor/index.html>.

Радченко 2006 — *Радченко Д.А.* Современный кинематографический анекдот в условиях сетевой коммуникации // *Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов.* М., 2006. Т. 3. С. 307—317.

Рукомойникова 2006 — *Рукомойникова В.П.* Самодеятельное творчество пользователей сети Интернет как явление постфольклора // *Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов.* М., 2006. Т. 3. С. 289—297.

Трофимова — *Трофимова Г.А.* О чем пока молчит Рунет // http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=11&stv=b1af0cc96acb14539947-c1f9fb2b7390.

Deleuze, Guattari 1976 — *Deleuze G., Guattari F.* Rhizome. Introduction. Paris, 1976.

Deleuze, Guattari 1980 — *Deleuze G., Guattari F.* Rhizome // *Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux.* Paris: Les Editions de Minuit, 1980.

McLuhan 1977 — *McLuhan M.* City as Classroom (with Hutchon K. and McLuhan E.). N.Y., 1977.

В.М. РОЗИН
(Москва)

ФЕНОМЕН СЕТЕВОГО ФОЛЬКЛОРА¹

Сегодня многие делают попытку определить, что такое сетевой фольклор. Устроители круглого стола «Интернет-фольклор: свобода самовыражения или деградация традиции?» приводят два противоположных взгляда на это явление: один, что сетевой фольклор — это миф, поскольку в современном мире утрачены подлинные формы бытования фольклора, а оцифрованные фольклорные тексты никакой спецификой не обладают; другой, что сетевой фольклор — это реальность, специфическими свойствами которой выступают интерактивность, опора на гипертекст, коллективность, вариативность и интертекстуальность. Разберем эти аргументы. Что обычно исследователи относят к сетевому фольклору? Сленг, например известный «албанский» язык «падонков»; различные тексты — анекдоты, сказки, слухи и прочее, а также другие «произведения» пользователей Интернета, которые можно интерпретировать как выражение творчества определенных групп или сообществ. Правомерно называть всё это сетевым фольклором или нет, зависит от того, что мы считаем фольклором и что специфично именно для данного вида фольклора.

Фольклор складывается на пересечении двух основных процессов — «возобновления культуры» и современных социальных практик (политика, идеология, образование, практики развития искусства и культуры, др.), использующих первый процесс в своих целях. Если в рамках воспроизводства культуры игнорируются все различия условий и ставится задача точного повторения вновь и вновь всех культурных реалий, то возобновление культуры — это реакция на изменившиеся условия, на новые возможности; возобновление культуры

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ (грант № 06—03—00311а).